Джамиля Габитова

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

Повесть

«Новых писем нет»… ну и ладно, нет так нет. Кончился сезон. Конец сентября, осень, стаи перелетных отдыхающих унеслись дальше на юг. А здесь, в маленьком приморском поселке на севере Крыма, жизнь постепенно замирает до следующего лета. Даже в Интернете. Никто уже не бронирует места в его гастхаусе, и почтовый ящик в сети опустел, за последние дни пришло только несколько писем с благодарностями и фотографиями. Илья Андреевич отложил очки и, неспешно нажимая все положенные кнопки, выключил компьютер. Спать еще не хотелось, утром, за отсутствием гостей, подниматься рано не было никакой нужды, можно поваляться часов до девяти, чего он, впрочем, практически никогда себе не позволял. В сезон, когда его небольшая домашняя гостиница была заполнена до отказа, спать приходилось часов по шесть, чтобы успеть и убрать, и приготовить завтрак, и закупить продукты, и полить роскошные цветники – на одни руки всего этого было более чем достаточно. Справился, даже самому не верится.

Это было первое лето после смерти жены. Моложе его на семь лет, Вера ушла прошлой осенью так неожиданно, что ему до сих пор не верилось, что ее нет. Нигде. Никогда. Разумом всё понимая, он не мог в душе примириться с несправедливостью судьбы: ведь жене только исполнилось пятьдесят пять, да и не болела почти. И вот в одну секунду ушла, как жила, – легко и без долгих сборов: тромб. Говорят, такую смерть надо еще заслужить у Бога. Уход жены остановил время в его мире. Все как-то мгновенно потеряло смысл. Все, что они делали, как оказалось, они делали друг для друга, одному не надо было ничего.

Сын их жил с невесткой и внучкой в Петербурге. Пятнадцать лет назад, выходя в отставку, Илья Андреевич выхлопотал домик в Крыму с целью оздоровления у моря болезненной внучки, которой тогда было два года. Так и было, пока Настя была маленькой, она каждое лето проводила у деда с бабой, на второй же год забыв про свои бронхиты. Квартира в Питере осталась детям. Детям… Невестка, честно сказать, так и не стала дочкой – тот еще характерец, да ладно, с сыном общий язык находят, и слава богу…

Поженились дети сразу после школы, все четверо родителей были против, никто не верил в долговечность их брака, и вот брак до сих пор есть, а тепла с невесткой, увы, так и нет. А больше детей они с Верой, мотаясь по гарнизонам, не завели. Теперь вот и сына, и внучку, не говоря про невестку, видят редко – хо-

рошо, если раз в год. Обычно они приезжали на день рождения Насти в июле, в этом году он сам к ним собирается в декабре, а дальше – кто знает…

В тяжелые девяностые, когда Вера осталась без работы и жили только на его пенсию, которую по полгода задерживали, они стали пускать отдыхающих, благо, поселок от моря отделяла только узкая лента трассы. Доброжелательный и открытый характер жены, гостеприимство и отсутствие жадности привлекали даже чужих людей и служили залогом успешности их семейного дела. Не прилагая для этого видимых усилий, Вера располагала к себе своих гостей, и они рекомендовали их семью для отдыха своим знакомым. Через пару лет пришлось построить специальный коттедж на восемь номеров, купить кондиционеры, холодильники и оформить бизнес официально. От огорода остались только виноградник, небольшая теплица и клумбы – любимые детища Веры. Сада не было, только у дома росли несколько фруктовых деревьев да раскидистый орех, в тени которого стоял длинный деревянный стол – средоточие вечерних посиделок.

Уход хозяйки пока не уменьшил поток гостей, и целое лето Илья Андреевич крутился как заводной, пытаясь удержать все на должном уровне. Значительная часть забот и прежде была на нем, но только теперь он оценил те, как он думал прежде, мелочи, которыми незаметно занималась жена. Например, пришлось вплотную осваивать Интернет и вести переписку с потенциальными клиентами, налоговой службой и местной администрацией. Глажку он так и не освоил – с юности тихо ненавидел это малоосмысленное занятие и предпочел платить за стирку и глажение белья соседке. С уборкой справлялся сам, как и раньше. Готовить Илья умел, но это требовало много времени или постоянного помощника. Поэтому для включенного в стоимость номера завтрака установил постоянное меню из трех блюд на выбор – яичница, оладьи или овсянка, разнообразя уставные яства бутербродами, хлопьями, творогом и йогуртами, свежими овощами и фруктами. Ежедневных хлопот хватало и с теплицей, и с цветами, но это было и к лучшему – некогда было хандрить. Прожив с женой тридцать семь лет, Илья не мог привыкнуть жить без нее. В душе появилась закрытая дверь. В комнату Веры. Если не входить туда, все вроде бы нормально. Днями, неделями. Но стоит только открыть эту дверь… особенно ночью… Лучше не открывать.

Уже прошло больше недели с отъезда последних гостей. Все убрано. Дом затих. Хозяин затосковал. Сын и внучка раз в неделю – слава создателю Интернета! – звонили по скайпу, изредка он общался со своими сокурсниками, еще звонили те из гостей, которые стали уже друзьями, тоже по сети, вот и все.

Выключив компьютер, он пошел на веранду гостевого домика, откуда днем открывался вид на море. Не в сезон они с женой часто сидели здесь «на ночь глядя», не только в переносном, но и в прямом смысле глядя на ночь. Беседовали. Или молчали. Смотрели фотографии. Вспоминали, как познакомились в Питере. Вера тогда попросила Илью сфотографировать ее на стрелке Васильевского острова после своего выпускного. Бравый курсант не растерялся и уже не отпускал симпатичную и смущенную девушку, наивно полагая, что именно он был инициатором их знакомства... Только на серебряную свадьбу Вера призналась, что они с подружкой тогда с полчаса уже наблюдали за статным парнем, и подруга, оставив фотоаппарат Вере и проинструктировав ее, отошла на невызывающее подозрений расстояние. Шумно повозмущавшись женским коварством и вероломством, Илья увеличил и повесил в рамку ту самую фотографию Веры в белом платье.

Луна еще не взошла, и сейчас море угадывалось в тишине только по мерному шелесту волн и отсутствию звезд в нижней половине непроницаемой бархатной темноты. Вверху дырочками в занавесе сверкали звезды. Илья включил чайник и достал из шкафчика травяной чай – их с Верой фирменный, с земляничными и смородиновыми листьями, с мятой и чабрецом. Мед тоже был особый, северный, зеленоватый, с запахом донника и еще каких-то душистых трав, его привозили с собой на заказ каждый год друзья из Питера. Вера была чуткой на такие мелочи, которые создают настроение и ауру дома.

С чашкой чая, не зажигая света, Илья уселся в кресло, думая про завтрашний день. На следующей неделе обещал соседке отвезти ее гостей в аэропорт, раз уж попаду в Симферополь, надо заранее составить список покупок, чтобы помотаться по магазинам. Вот завтра им и займусь. Ага, а потом забуду список на столе… в последнее время такое случается на каждом шагу. Раньше Вера не выпускала из дома без допроса: очки взял? права? деньги? телефон?

Аромат чая усилил грусть. Внутренний монолог, днем заглушаемый заботами, в тишине ночи набрал голос: Вера, я скучаю… не хочу так… Что впереди? Дряхлеть потихоньку?.. Ночь посветлела – рыжая неровная луна поднялась, определив линию горизонта и проложив зыбкую дорожку к берегу. Илья с усмешкой подумал, что к старости он становится, мало того, сентиментальным, еще и мистиком – вот уж что всю жизнь ему было абсолютно чуждо. А теперь везде ищет знаки, даже не так, а – пафоснее – знамения! Это потому, что он продолжает разговаривать с Верой.

Что дальше? – он опять уставился на небо. Неподвижные звезды, казалось, мерцали своим далеким светом… чего ты от них ждешь? Что вообще заставляет людей вглядываться в ночное небо? Малюсенькая звездочка неторопливо двигалась вдоль горизонта. О, это же спутник летит! Хорошая примета! Они с Верой шутили, что падающей звезде никогда не успевают загадать желание и поэтому адресуют их спутникам. А вот облако в форме свиньи… Да нет уж, свиней, прошу, не надо, не мое это. Облако вытянулось, и свинья постепенно превратилась в собаку. Собака? А что… это мысль… Спутник – собака! Спасибо, Вера! Вот идиот-то малахольный… крыша едет не спеша… Но про собаку стоит подумать.

В нижнем углу экрана настойчиво мигал конвертик – значок письма. Так, посмотрим, кто это у нас там? «Илья Андреевич, Вы меня не знаете, мои друзья дали мне ваш мейл. Есть ли у вас свободные места на конец месяца?..» Фамилия… мейл… Женщина из Питера хочет приехать на пять дней. Вот и славно. Еще на неделю продлим сезон. Илья отправил согласие и стал прикидывать, что нужно подготовить для гостьи. Конвертик замигал снова. Снова она? Он не переставал удивляться мгновенности связи. (Сам-то он степенно и вдумчиво тыкал одним пальцем в клавиатуру…) Теперь почти уже гостья Наталья Николаевна интересовалась точным адресом и как удобнее добраться вечером из аэропорта. Постой, он же как раз в этот день будет в Симферополе. Предложив свои услуги, в ответ он получил благодарное согласие клиентки вкупе с ее фотографией для опознания. Его она видела на фото у друзей.

Илья рассматривал фотографию. Русоволосая женщина средних лет стояла на стрелке Васильевского острова. В светлом платье. Дежавю. Интересно, есть ли на пространстве бывшего Союза семья, в которой нет такой фотографии хотя бы

одного из ее членов? Вообще-то, сейчас как фон, скорее, самыми популярными будут египетские пирамиды. Ничего так, Наталья Николаевна, не крокодил. Хотя женщина, конечно, не пошлет абы куда неудачную фотографию, и вполне возможно, так выглядела она не один год назад. Для верности он сообщил номер и марку своей машины и добавил номер сотового телефона. Двадцать первый век на дворе, авось да не потеряемся.

Наташа исподволь разглядывала своего спутника. Очень приятный дяденька. Наверное, ему уже под шестьдесят, под загаром не разобрать. Сразу видно, приветливый и веселый, глаза все в лучиках-морщинках. В другой раз она бы уж точно построила глазки симпатичному мужчине, но Илья Андреевич успел уже рассказать и о своем недавнем вдовстве, и о том, что гостиница сейчас совсем опустела. В этих обстоятельствах строить амуры довольно пошло. Наталья даже была немного обескуражена – вдвоем в пустом доме, ну как приставать начнет?

Как бы в ответ, Илья Андреевич продолжил после паузы:

– Наташа, пусть вас не смущает моя словоохотливость, – наверное, намолчался за последнюю неделю. Я никоим образом надоедать вам не намерен, жить вы будете в гостевом доме совершенно отдельно. Давайте только сразу обсудим время и меню завтрака.

– Мне утром обычно достаточно чашки кофе…

– Кофе не считается, у вас в номере есть электрочайник и минимальные припасы для чая и кофе – пейте на здоровье!

– А что считается?

– Овсянка, сэр, – раз! Оладьи, мисс, – два! Сырники для VIP-гостей – три! А еще…

– Хватит, хватит, у меня уже и так слюнки бегут! Илья Андреевич, а нельзя время завтрака передвинуть часов на шесть вечера? Обещаю ограничиться в этом случае творогом и овощами.

– Завтрак в шесть вечера? Хм… Что ж, желание гостя – закон. – Он улыбнулся, Наташа нравилась ему. На вид ей лет сорок, наверное, чуть старше его сына, миловидна, обаятельная улыбка. Ну почему Максим не выбрал себе такую жену? Вот с этой женщиной только что познакомились, а общаться так легко, как с давней знакомой, не надо напрягаться.

– Ага, кажется, мы уже нарушаем новые правила, – взглянув на часы, вслух сказал он, – как раз сейчас и пропускаем завтрак… Давайте-ка остановимся у этого базарчика!

Илья купил у бабульки малосольных огурчиков и десяток свежих бычков.

– Это такой южный творожок? – улыбнулась Наташа.

– Творожок, обещаю, будет завтра, свежайший, а бычки – фирменный вечерний завтрак крымского туриста. С разварной картошечкой… Пойдет?

– Илья Андреевич, вы искушаете слабую женщину!

– Есть немного!

Разговор сползал-таки в опасное русло. Наталья, веди себя прилично! Спроси о погоде, что ли. О поселке. О делах. Или помолчи, кокетка постбальзаковского возраста.

Илья сам пришел на помощь:

– Наташа, если не секрет, кто вы по профессии?

– Переводчик. Немецкий, английский. Перевожу технические и коммерческие тексты в одной фирме по торговле оборудованием.

– Филфак заканчивали?

– Да нет. Вообще-то я технарь. Просто долго жила в Германии, а когда вернулась в Питер, оказалась нужнее как переводчик, чем как конструктор.

– А в Германии как оказались?

– Замуж за немца вышла. – Наталья замолчала.

– И что?

– И снова зашла! – Наташе не хотелось рассказывать этому незнакомому человеку, как пыталась, но так и не сумела стать своей в чопорной семье мужа. Как, не выдержав в конце концов, почти сбежала в Питер с маленьким еще сыном под предлогом оформления наследства на квартиру тетки, да так и не нашла в себе сил вернуться в чужую страну к ставшему чужим мужу. Каких дипломатических усилий стоило ей сохранить теплые отношения между бывшим мужем и ребенком. Как снова осталась одна, когда сын уехал в Англию учиться и остался там работать.

Теперь была ее очередь выруливать беседу на безопасный простор:

– А Интернет у вас есть? Я имею в виду доступ к своей почте. Дело в том, что я, в общем-то, не в отпуске, просто пока мое присутствие в офисе не требуется, я решила продлить немного лето, у нас в Питере уже заморозки. Набрала с собой ворох работы, буду отправлять шефу по мере готовности.

– Никаких проблем! В номере я все никак вай-фай не установлю, да ради бога, пользуйтесь моим компьютером на здоровье! Вот, Наташенька Николаевна, мы уже и подъезжаем. Это наши хоромы.

– Замечательно выглядят хоромы ваши! А отчество – не обязательно.

– И вы можете не утруждать себя, просто Илья.

– Мне удобнее по отчеству, хорошо?

Так, старый хрыч, щелчок тебе по носу. Ты для нее – Илья Андреевич, а она – Наташа, на сто лет моложе. Чего ты хвост-то распустил, вдовец безутешный? Вот ведь природа мужская – автоматически переходит в режим «захват территории» при виде хорошенькой женщины… Вера, честное слово, я не хотел… Устыдив себя, впрочем, без особого пыла, Илья Андреевич показал Наталье ее комнату, велел устраиваться и гарантировал через полчаса обещанный «завтрак».

Картошечка с укропом, малосольные огурчики, салат из помидоров с перцем и сладким крымским луком, румяные бычки на тарелке с зеленью стояли на большом деревянном столе без скатерти прямо на улице, под раскидистым деревом. В ветвях пряталась яркая лампа, бросавшая желтые блики на разноцветные керамические плошки. Стол был накрыт на двоих.

– Наташа, ну извините меня, опять навязываю вам свое общество – голодный как волк, да и вы, наверное, тоже, целый день ведь в дороге.

– Господь с вами, Илья Андреевич, я вам очень за все благодарна, у вас тут очень уютно, даже удивительно, что мало народа.

– Знаете, туристы привыкли проводить бархатный сезон на южном побережье. Тем более, мои гости – все люди семейные, у детей школа, институт. Редко кто остается здесь до этого времени. У нас сентябрь обычно бывает уже холодным, но не в этом году. Море до сих пор очень теплое. Сами завтра убедитесь.

– А сегодня, думаете, не стоит? С веранды я видела – море совсем рядом.

– Отчего же нет? Ветер стих, волн нет, прекрасно искупаетесь перед сном.

– Покажете дорогу?

– Конечно, с радостью! Не предлагал сам, чтоб не сочли назойливым.

– Илья Андреевич, вот без слов ясно, что мы оба с вами родились в Питере. Так и будем поминутно расшаркиваться друг перед другом, извиняясь за беспокойство? Давайте договоримся вести себя попроще. Я у вас в гостях и нагло этим пользуюсь. Если перехожу отведенные гостям границы, вы мне об этом прямо говорите без лишних реверансов.

Он рассмеялся. Это она-то, всю дорогу смущавшаяся от невинных замечаний, укоряет его в излишней чопорности!

– Замётано! Быстро переодеваться и чтоб через пять минут были тут!

Наташа уже подзабыла, с какой неожиданностью падает летом южная ночь. Только что было светло, садилось солнце, море было розовым и тихим, вода – прозрачной… Вдруг – бац! Глаз выколи, ничего вокруг не видно, в темной воде кто-то бесшумно плавает…

– А-а-а! Мамочки! – наткнувшись в воде на что-то скользкое и плотное, она метнулась в сторону и врезалась прямиком в Илью Андреевича.

– Что такое? – Он придержал ее, успокаивая. Обнять не рискнул.

– Медуза? – Наташе было неловко, великовозрастная тетка напрыгнула на мужика, проявив недюжинную прыть, да еще и с лихим визгом на весь поселок. Медуз она не любила. Даже днем впадала в тихую панику, задев рукой скользкие щупальца.

– Я надеялась, что их уже нет.

– Я ж говорил, вода очень теплая. Они не жалятся.

– Еще бы они и жалились! Нет, все, хорошенького понемножку, пойдемте.

Этот вечер для переводов пропал. Включив ноутбук, Наталья так и не написала ни одной строчки, мысленно перебирая события дня. Какое-то ощущение тревоги и неловкости. Все очень хорошо и удачно – перелет, погода, дом, море, хозяин. Ага, хозяин. Как-то уж сильно он тебе, дорогуша, понравился. Ну ладно, признаю, понравился, и что? Так вот именно – и что? Вопреки логике, его недавнее вдовство создавало невидимый барьер. Так, красавица, ты что, замуж собралась? По-моему, ты собиралась а) поработать; б) позагорать; в) отряхнуть пыль с организма. А хозяин и без тебя занят по горло, не трогай его и не будешь так часто вставать в тупик от собственных вопросов. Решено, с утра – кофе, ноутбук, полотенце и на море. Наташа выключила свет и оказалась в кромешной темноте. Шумы и скрипы незнакомого места не давали ей уснуть, было жутковато одной в пустом доме. Включила ноутбук, но работа так и не шла на ум. Экран освещал комнату, как ночник, стало не так страшно. Мысли снова вернулись к Илье Андреевичу.

– Наташенька, детка, ну как же можно! Ну кто ж в первый день на солнце столько лежит? Это ж настоящие ожоги, Господи боже ты мой! Как дитя малое! Сколько вам лет?!

– Сорок шесть… – (Зачем это я брякнула правду-то, вопрос был чисто риторический…) – Нашли тоже детку…

– Ну, я-то вам в отцы гожусь в свои шестьдесят два! Отлупил бы, ей-богу!

– Если в отцы, то в очень легкомысленные, при шестнадцати-то годочках разницы… – продолжала бурчать она, в смущении от того, что он намазывает ее обгоревшую спину каким-то душистым бальзамом.

– А кто вам сказал, что я не легкомысленный? – (Тьфу ты, особенно тон, ловелас старый, – тут же одернул себя Илья.) – Но по сравнению с вами – куда там!

Наташе стыдно было признаться, что она элементарно уснула на пляже после бессонной ночи. О причине бессонницы она предпочла бы не распространяться.

– Жить буду?

– Сейчас проверим. Есть хотите?

– Не очень, голова болит, выпила бы чего-нибудь холодного. Думала пройтись тут у вас по магазинам, но боюсь, что сегодня не смогу.

– Я принесу вам окрошки. И поедите, и попьете холодненького. Меня соседка угостила, а я уже перекусил. Она замечательно готовит!

– Спасибо. Вы потом мне все посчитайте…

Перехватив его внимательный взгляд, она вспыхнула – не предложить деньги было неудобно, а предложить оказалось еще хуже.

– Илья Андреевич, мне очень неловко. Я понимаю прекрасно, что не все меряется деньгами, вы заботитесь обо мне, как… – она улыбнулась, – отец родной, но все же у вас гостиница, а не сиротский приют.

– С сироток-погорельцев беру плату разговорами вплоть до возвращения их в строй действующих переводчиков… Признайтесь, заснули на пляже? Ночь-то не спали, я видел, у вас до рассвета компьютер был включен.

Наталья не стала уточнять, чем это он сам ночью занимался, свет в ее окне разглядывал…

– Включила, потому что трусиха.

– А что, медузы не самое страшное на земле?

– Самое страшное, Илья Андреевич, такие вот насмешники над старой больной женщиной!

– А, это вы в ожидании окрошки успели состариться? Понял, сей секунд!

Наташа улыбалась, несмотря на жгучую боль в плечах и спине. Ей приятно было давно забытое ощущение, что о тебе есть кому позаботиться. В своей жизни ей всегда отводилась роль заботливой дочери, жены, матери, а тут как-то само собой разумелось, что хозяин знает, как лучше для гостьи.

Вернулся Илья с ледяной окрошкой и тарелкой пирожков.

– Соседка в доле. Ее, видно, любопытство мучает, вот пирожки еще принесла, расспрашивала про вас.

– Сдали?

– Что?

– Явки, пароли?

– Шифруюсь пока. Но Васильевна тот еще агент в юбке, сразу меня раскусила. «Чегой-то ты, милок, нынче не в гараже, мотаисся туда-сюда? А дама у тебя симпатичная, – говорит, – присмотрись».

(«Сразу меня раскусила» – это что он этим хотел сказать?)

– Ой, лучше не присматривайтесь, хорошо еще, хоть лицо не полностью обгорело!

Он по-мальчишески прыснул.

– Наташенька, вы не расстраивайтесь, к утру все пройдет. Вот я вам еще таблетку от головы принес. И оставляю вас. Отдыхайте, лечитесь, «позавтракаем» попозже.

– Пирожки я не осилю, забирайте. Спасибо вам…

– Спасибом не отделаетесь, я предупреждал.

– Еще на попятную пойдете, я болтушка на самом деле… деньгами запросите…

– Отдыхайте, болтушка… – хотел добавить «моя», но проглотил окончание.

«Что вы пьете от головы? Оно вам не помогает!» – вспомнилось Наталье при виде себя в зеркале. Одна щека, полноса и подбородок кумачовым колером приятно контрастировали с зеленоватым оттенком остальной морды лица. Да уж, куда в таком виде гулять. Голова, на удивление, прошла. Было, наверное, около семи, легкая прохлада ранней осени освежила комнату и уняла, вкупе с бальзамом, жжение на плечах. Наташа почувствовала, что проголодалась. Спустившись к хозяйскому дому, она застала Илью Андреевича укутывающим заварочный чайник в цветастую шаль.

– О! Великое дело – телепатия! Я как раз думал вас позвать. «Завтрак» на столе.

Наташа только сейчас заметила на столе еще одно укутанное сооружение. Явно не творожок. Честно говоря, она бы сейчас поела чего-нибудь посущественнее.

Телепат продолжал читать мысли, раскутывая глиняный горшочек:

– Я тут прикинул, творожком, пожалуй, вас к жизни не вернуть, и стушил баранинки с овощами, вы не против?

– Как я могу устоять, тут от одного аромата слюнки бегут…

– Ну и славно, садитесь. К баранине обязательно красное сухое вино, без этого никак. – Он уже разливал вино, вопросительно глядя на нее.

– Да где уж тут отказаться, слаб человек.

– Конечно же, мы выпьем за ваше здоровье. В лечебных целях.

– Отличное вино. Местное?

– Не просто местное, а мое фирменное.

– Боже мой, Илья Андреевич, сколько же у вас талантов!

– Нуткть! – хвастливо задрал он подбородок. – «Я еще и на машинке вышиваю…» – добавил голосом кота Матроскина. – Это вы еще рагу не пробовали.

И правда, тушеные овощи с молодой бараниной и зеленью были по-особому нежны.

– Знаете, ваше рагу – это просто какое-то кулинарное олицетворение южного сентября… Чайковский, времена года, сентябрь-сюита.

– Необычное сравнение и очень приятная похвала. Но, как мне помнится, сентябрь у Чайковского – «Охота»? И он продекламировал:

«Пора, пора! Рога трубят:

Псари в охотничьих уборах

Чем свет уж на конях сидят;

Борзые прыгают на сворах…» Впрочем, баран был определенно дикого вида!

Она расхохоталась, скрывая совершенное изумление, – она и сама вряд ли бы так, по сути мгновенно, вспомнила бы и название музыкальной пьесы, а уж тем более эпиграф к ней. Ничего себе военные в Союзе были…

– Надеюсь, Петр Ильич на меня не обидится.

– Кто?! Петр Ильич? При его-то любви к жизни! Нет-нет, точно не обидится!

– Илья Андреевич, откуда такие глубокие познания в музыке?

– Ну уж, глубокие… Да и не широкие… Музыкальная школа в детстве, гитара в училище, жена – певунья. – Он погрустнел и добавил уже другим голосом: – Интернет опять же….

– Простите…

– Да нет, Наташенька, просто она еще рядом, и одновременно я один, – вдруг вырвалось у него сквозь шутливый тон разговора.

– Я понимаю вас…

– Вряд ли… я и сам себя не понимаю… все как-то по инерции живу, не вижу впереди ни цели, ни перспективы…

– И все же я могу вас понять, я ведь тоже практически одна, хоть и по другой причине. Не хочу говорить банальности про детей и внуков, но вот они – перспективы! И знаете, жизнь действительно коротка, но тем не менее, а может именно этим, прекрасна. Встретите еще женщину, с вашими-то талантами, – она попыталась вернуть легкость в их ставшую невеселой беседу.

Он посмотрел на нее долгим взглядом и опять проглотил ответ. Он уже встретил. Женщину. Но всех талантов не хватало перейти какую-то черту, незримо, но властно отделявшую прошлую жизнь от будущей.

– Хороший вы человек, Наташа. Давайте я вам за это вина налью.

– Лучше чаю. Если к вашим талантам добавить еще и чай, ни одна женщина не устоит. (Я, например, не устояла. Вы ведь и сами это видите, но что-то вас останавливает, а значит, и меня…)

Заметив, что Наталья зябко поводит плечами (от солнечных ожогов ее слегка знобило), Илья, раскутав чайник, укрыл ее плечи теплой еще шалью. В ответ на благодарный взгляд улыбнулся:

– Шаль тоже войдет в общий счет… Вы обещали мне разговоры разговаривать…

– Как раз под настроение…

Прихлебывая душистый чай, они беседовали о музыке, о литературе. Это было непривычно и как-то немножко старомодно. Наташа чувствовала себя героиней чеховской пьесы, и ей эта роль была очень приятна. Подумалось, что в Питере ей некогда, да и не с кем так вот неспешно побеседовать не о делах насущных, не о светских сплетнях, не о, боже избавь, сериалах… Илья Андреевич хоть и подчеркивал все время, что он дилетант в вопросах искусства, все же имел на все свой взгляд, далеко не всегда совпадающий с Наташиным. Они мягко спорили, соглашались друг с другом или оставались при своем мнении, только беседа их была абсолютно непринужденной и доставляла обоим видимое удовольствие.

Как и накануне, ночь наступила внезапно. Окружающий мир, оставшийся за кругом желтого света лампы, напоминал о себе только шумом прибоя и пряным ароматом петуний.

– Наташа, я вот тут перед вами тщетно притворяюсь знатоком музыки и поэзии, а на самом деле мне больше всего интересно узнать о вас. Расскажите мне о себе.

– Все банально. Ушла от мужа, пришлось много работать, пока подняла сына, молодость ушла, не попрощавшись. Внезапно оказалась одна на пороге старости.

– Когда вы при мне говорите про свою старость, я чувствую себя Мафусаилом, Иаковом и старухой Изергиль одновременно.

– А я – старухой Шапокляк!

– А что, крутая была бабулька!

– Осталось крысу завести.

Настоящий мачо после таких слов должен незамедлительно предложить свою кандидатуру на роль крысы, но Илья опять удержал шутку на кончике языка. Вера была тут, с ними за столом. Сколько раз, вот так же за ужином, он получал от жены шутливый подзатыльник за безудержный флирт с гостьями и не унимался. Сейчас все было по-другому. Ему хотелось удержать Наташу, но в дружбу мужчины и женщины он не верил. Дружба – та же любовь, и между мужчиной и женщиной она возможна в редких случаях, да и то только после влюбленности. Как, не обидев эту славную женщину, удержать ее на дружеской дистанции – вот так, ни дальше, ни ближе. Он уже не хотел потерять ее и пока не видел себя рядом.

Телепатия – вещь, очевидно, заразная, и Наталья (это все вино!) неожиданно для себя вдруг решительно перехватила инициативу:

– Не мучьтесь, Илья Андреевич. Я никоим образом не хочу потеснить в вашем сердце вашу жену. Если вам хочется, расскажите мне о ней, как вы познакомились, как оказались тут, как жили. Если тяжело – не надо, рассказывайте, о чем хотите, мне приятно с вами разговаривать. Мне жаль, что я так поздно приехала в это место и не узнала вашу семью раньше. Я думаю, мы бы подружились.

Про себя она подумала, что даже по нему одному видно, какая счастливая была это пара, и тихонько позавидовала белой завистью ушедшей Вере – в ее собственной жизни такой любви не было.

– Спасибо, Наташенька, вы очень чуткий и тактичный человек, мне тоже хотелось бы с вами дружить… семьями… – с извиняющейся улыбкой добавил он. – Но все же я не могу держать женщину на морозе своими стариковскими разглагольствованиями… Давайте провожу вас.

– Говорила же – пощады запросите.

– Не провоцируйте. Я готов кормить вас пять раз в день, чтобы продолжить наши беседы.

– Если вы думаете, что как чуткая и тактичная женщина я откажусь, то вы трагически ошибаетесь. Ваше рагу сломало мои представления о рамках приличий.

– Ой, Наташенька, вот сейчас мне так захотелось вас поцеловать! – засмеялся он, не делая, однако, заявленных попыток.

– И кто тут провоцирует?

– Вы, милая, вы, – целуя ей руку, попрощался он.

– Спокойной ночи!

– Да где уж там!

Она только улыбнулась в темноте – и верно, где уж…

Установленный между ними тон оказался очень верным в этой ситуации, и оставшиеся дни Наташиного отдыха пролетели в приятном общении, совместных прогулках и купаниях, будто бы и вправду Наташа приехала к давним друзьям. Оставалось время и для работы. Кипа статей и договоров, в Питере нагонявшая на Наташу зеленую тоску, растаяла без остатка. Шеф, получая бумаги одну за другой, даже заволновался в шутку, не отлынивает ли Наталья от морских купаний, слишком уж возрос ее КПД. Наташа ответила – это от хозяйского винограда

и персиков, и пусть шеф над этим подумает, а то она уже крепко подсела на эту энергетическую диету. И вправду, все шло как-то на подъеме, без труда и напряжения, она чувствовала себя молодой и полной сил. Илья временно ночевал в соседнем номере, чтоб Наташе не было страшно по ночам. Вечерами они пили чай на веранде, глядели на звездное небо, слушали музыку и разговаривали обо всем. Смотрели старые фотографии, среди них и ту, самую первую, глядя на которую, Наташа немного растерялась. Как-то неловко вышло, что она выслала Илье такую же свою. Нетактичное совпадение. Перевели на шутку, промолчав о том, что обоим это совпадение показалось знаковым. За пять дней они действительно подружились, рассказав друг другу о себе все без утайки, как случайному попутчику в поезде. Попыток сблизиться никто из них не делал, не считая обоюдных комплиментов и шутливых признаний.

Неделя пролетела мгновенно. Расставание в аэропорту было грустным.

– Даже и не спел вам. – За этот год он ни разу не брал гитары в руки, вчера вечером первый раз о ней вспомнил, но решил все же воздержаться, боясь, что голос подведет.

– Придется мне приехать еще раз. Можно?

– Можно? Нужно! А задержаться никак нельзя?

– Надо быть в среду на переговорах, клятвенно обещала шефу.

– Надо. Да и погода портится. (А настроение – и совсем…) Я иногда вам писать буду, можно?

– Можно? Нужно! – передразнила она его, еле удерживаясь, чтоб не расплакаться – за неделю этот чужой еще мужчина стал близким, как никто.

Он обнял ее, сначала по-дружески, потом, прерывисто вздохнув, крепко прижал к себе и поцеловал в висок. Она не поднимала головы, прижавшись к его груди. Стоя так, они все сказали друг другу. Слова были бы сейчас неуместными. Подняв голову, она приложила палец к его губам, потянувшимся было к ее лицу, быстро поцеловала его в щеку и ушла.

Два месяца Илья Андреевич провел в предзимних хлопотах. Отличный урожай винограда потребовал много забот. Возясь с ягодами, Илья думал о том, что все это тоже не очень нужно и делается больше по инерции. Но теперь уже в кладовке рядами стояли огромные бутыли с будущим вином, тихонько воркуя сквозь гидрозатворы. Теплица опустела, для себя одного не стал он сеять зелень под зиму. Еще не было заморозков, и было жаль обрезать розы, они пышно цвели после летней засухи. Для кого? Изредка он относил цветы на кладбище, остальные щедро раздавал соседям. Васильевна, не в силах вынести такой безхозяйственности, время от времени продавала его розы на станции, скрупулезно отчитываясь в выручке.

– Не нрависся ты мне, Андреич.

– Чего ж вдруг?

– А того, что жениться тебе надо. Неживой ты.

– Нет, Васильевна, хватит мне жениться, видно.

– Веру не вернешь. Уж как я ее любила, а тебе говорю – женись.

– Кому я нужен? Да и мне никто не нужен.

– Не бреши. Видела я, как ты вокруг Наташки-то круги нарезал. Может, женисся.

– Васильевна, уйди от греха! Сейчас получишь, – он оглянулся, – вон, полотенцем!

– Ничо, небось не перешибешь! Крыть-то нечем! Женисся…

Да, о Наташе он скучал. Весь день, занимаясь работой, мысленно с ней разговаривал и писал одно нескончаемое письмо. Но по вечерам, садясь за компьютер, все, так гладко выходившее в уме, никак не хотело ложиться – куда? На бумагу? На экран? В общем, все это тыкание одним пальцем по полчаса в клавиши, чтобы набрать три строчки и потом какой-то одной неведомой кнопкой (он называл ее «шайтан») стереть все к чертовой бабушке, сильно охлаждало его эпистолярный пыл. В ответ на свои вымученные «как дела» и «что нового» он получал через десять минут полноценное письмо от Наташи с подробным ответом и замолкал на неделю-другую. Установить с ней связь по скайпу он не умел, да и не решился бы. Тон Наташиных писем ни на миллиметр не выходил из дружеского. Те несколько осенних дней стали уже полуреальностью, как бы курортным романом. Было приятно вспоминать их доверительные беседы, мимолетные прикосновения. Не было у него здесь такого собеседника. Вообще никого не было. Круг общения держался на Вере и распался с ее уходом. Илья не раз вспоминал про совет, полученный непосредственно с небес: «Спутник – собака», но все никак не решался приобрести щенка. Брать сейчас маленького – так ведь меньше, чем через месяц, ехать к детям, куда его девать. Да и неизвестно, как собака уживется летом с гостями. Какую породу выбрать? Илья никогда не держал собак, издали симпатизируя им, но не более того. Решил отложить приобретение мохнатого спутника на весну. Надо найти в сети какой-нибудь собачачий форум, войти в тему.

Илья колебался, писать ли Наташе о своем скором приезде в Петербург. Они собирались с детьми отметить в конце декабря день рождения Веры и встретить вместе Новый год. Илья был рад предстоящей поездке. В этом году из-за вступительных экзаменов внучка не приезжала, не виделись, если не считать, конечно, скайпа. Сам он давно не был в родном городе. Да и в Крыму Новый год – не лучшее время. Обычно промозглая сырость, ветер, снега нет, людей нет. Сырости и ветра хватало и в Питере, но все-таки там была зима, нарядно подсвеченный город, праздничная суета, фейерверки. Бывшие одноклассники, однокурсники. Со многими он восстановил связь, опять же благодаря Интернету. Хотелось бы увидеться. Он рассчитывал пробыть в Питере неделю-другую, дома зимой особых забот не было, это с февраля начнутся уже тепличные хлопоты.

Наверное, все же Наташе напишу, невежливо как-то скрыть, но не буду спрашивать ни телефона, ни адреса, чтоб не подумала, что напрашиваюсь в гости. А так хочется ее увидеть… Нет, детям не объяснить, и вообще, пусть приезжает в следующем году. Тут моя территория… Он улыбнулся.

Написал в последний день, ждал-ждал ответа (надеялся в тайне от себя, что обрадуется, пригласит), но ответ, обычно приходящий мгновенно, в этот раз не пришел.

Самолет летит до Питера всего два часа, дольше проходят процедуры регистрации, таможни, паспортного контроля. Сыну запретил себя встречать, рейсы вечно задерживаются, пусть поспят в субботу. И вот уже такси едет по Купчино, а он не

узнает из машины родной район. Первые этажи зданий все как один перестроены, сверкают предновогодней боевой раскраской, хорошо хоть водитель опытный и без подсказок нашел нужную улицу и дом. Нагруженный вином, орехами и виноградом, он из такси позвонил сыну, чтоб тот спустился встретить отца, благо, еще в аэропорту поменял сим-карту в телефоне на российского оператора, а то роуминг безумно дорогой. Сам и улыбнулся своему ворчанию – быстро мы привыкли к удобству связи, дорого нам, видите ли… Лет десять назад пыхтел бы сам со своими корзинами и не помышлял ни о каком роуминге.

Шум и суета, новоиспеченная студентка прыгает вокруг деда, Ольга гремит на кухне тарелками, сын уже убегает – перед концом года аврал, свистать всех в выходной на работу.

– Настя, какая ты стала красавица!

– Дед, скажи теперь «прямо невеста» и спроси, есть ли у меня жених?

– А что, запретная тема?

– Запретная. Жениха нет и, судя по инфантильному окружению, скоро не будет.

– Слава богу, дедушке так спокойнее. Еще не родился тот, кто достоин… и так далее. Неси это на кухню.

– Илья Андреевич, ну зачем вы все это тащили – сейчас в любом супермаркете можно купить что угодно. – Ольга с многотерпеливым выражением лица принимала гостинцы.

(Двадцать лет я тебе Илья Андреевич… Зачем тащил? Порадовать хотел…)

– Оленька, вот именно, что угодно, а это экологически чистый сельский продукт!

– Ой, у вас в Крыму – чистая экология… не смешите!

Лучше промолчать, а то с первой минуты ссориться не хочется. «У вас в Крыму…» Живешь в моей квартире, а меня держишь за неумытого родича из провинции. Так, пожалуй, пару недель здесь – это я погорячился, невестка столько не выдержит…

– Милые дамы, дайте дедушке чашку кофею и подстилку где-нибудь киньте – устал в дороге.

– Деда, подстилка тебе в моей комнате на кровати, я на раскладном кресле спать буду.

Наспех выпив кофе (на этой кухне обстановка к беседе как-то не располагала) и приняв душ, Илья Андреевич тихонько ретировался во внучкину комнату, сославшись на усталость. Когда-то эта комната была его. Лежа на кровати, Илья рассматривал ее. Найдите 500 отличий. Ничего не сохранилось от прежней обстановки. Интересно, вообще не сохранилось или все же пылится где-нибудь в чулане? Он вспомнил отцовский барометр, резную полочку под календарь и такой же шкафчик-аптечку. Надо бы спросить у Максима, если эти вещи сохранились, он забрал бы их себе. Вряд ли. У Ольги – вряд ли. Интересно, все, старея, становятся сентиментальными?

Верин день прошел как-то суховато. Пригласили человек двадцать друзей и родных. Естественно, в кафе – кто сейчас гостей домой приглашает? В этом кафе, кроме них, была еще одна компания. Играла музыка, было шумно, не было нужной атмосферы. И хотя слова все говорились правильные, каждый старался вспомнить о Вере хорошее, не хватало теплоты. Илья подумал – не хватает Веры. Она умела и тридцать человек вовлечь в общую беседу, и заставить каждого гостя

почувствовать себя самым желанным в доме, и анекдот кстати рассказать, и грусть песней отвести. Сваха, Ольгина мать, спасибо ей, конечно, взялась вести вечер, но не очень это у нее получилось. Да еще возникла неловкая ситуация в конце, когда она решила прилюдно благословить его на новую женитьбу. Мол, давай, Илья, не теряйся, все еще впереди. Ольга передернула плечиком от материной бестактности, Максим пробормотал, ну да, мол, со временем, чем только усилил неловкость.

До Нового года оставалось два дня. Не привыкший к праздности, Илья Андреевич не мог найти себе полезного занятия в предпраздничной суете. Предложил было украсить елку, но был решительно остановлен Ольгой: не допустив даже Настю, она сама украсила искусственную серебряную елочку двумя спиралями шаров – золотых и красных. Красиво, но как-то бездушно, отметил про себя Илья Андреевич. Впрочем, маленьких в доме нет, можно обойтись без шишек, сосулек и зайцев. Да и чувствует он себя неважно – придавливает сердце, наверное, отвык от питерского климата. Прилягу, соберусь с мыслями, а то чувствую себя натуральным цветком в проруби. Опять дав волю сентиментальным воспоминаниям, он припомнил свое собственное первое впечатление от елки. Судя по картинке, встававшей в памяти, сам он (четырехлетний?) лежал под елкой, головой на крестовине, закрытой ватой, и смотрел вверх, куда уходили смолистые веточки живой ели, густо украшенные пестрыми игрушками. Прямо над головой висел тяжелый стеклянный шар молочно-зеленого цвета с тонко прорисованным зимним пейзажем, левее – золотистый картонный заяц и рядом – морковка из папье-маше. Огоньки гирлянды усиливались специально одетыми на каждый фонарик отражателями из цветной фольги. Пахло хвоей и мандаринами. Этот запах из детства навсегда связался с Новым годом – ни в какое другое время никаких мандаринов не было и в помине. А на елке кроме игрушек были развешаны и конфеты, и орехи в золотой фольге, а еще перед праздником делали игрушки самостоятельно всей семьей – кораблики и мандолины из половинок орехов, цепи, флажки и бусы из тонко нарезанных цветных глянцевых иллюстраций к «Огоньку», под потолком развешивали снежные гирлянды из ваты… Хватало же как-то времени у взрослых на эти занятия! Впрочем, телевизоры тогда еще были редкостью, и на Новый год семья собиралась действительно у елки – надевали маски, самодельные костюмы, пели, танцевали. И обязательно ставили его валеночки за порог, чтобы Дед Мороз к утру положил туда нехитрый подарок. Кстати, дед ни разу не подвел.

Стой, спохватился Илья. А подарки? То, с чем приехал, не считается, надо придумать еще что-нибудь. Илья Андреевич грустно вздохнул. О подарках всегда заботилась Вера, он сам никогда не вникал в эти, как привык считать, пустяки, и даже не представлял себе, что бы он мог такого вот так, с ходу, купить, чтобы порадовать своих взросленьких деток.

Ну что ж, вот и нашлось занятие – пойду сейчас по магазинам. Надо у Ольги спросить, может, какие поручения будут. Но перед тем еще одно – Илья все собирался позвонить однокурсникам, договориться про встречу, но все телефоны остались на крымской сим-карте. Теоретически Илья понимал, что сейчас ему предстоит поменять симку, сохранить те номера в памяти телефона и вновь заменить карточку, но эта задача казалась ему почти непостижимой. Ох, Вера, Вера, избаловала ты мужа… Выглянул из комнаты, убедился, что Насти дома нет. Надеяться не на кого, Ольгу лучше не трогать.

«Ничего не поделаешь», – вздохнул Илья Андреевич, доставая очки и спрятанную в бумажник родную симку, и принялся за сложную операцию.

Вздрогнул, когда телефон, приняв на положенное место симку, мгновенно ожил и запищал эсэмэсками: «Вы пропустили 12 звонков с номера…» Номер питерский. Сердце ёкнуло: был только один человек в этом городе, звонка от которого он ждал с нетерпением. Неужели? Ладони мгновенно вспотели, как у первоклассника. Вряд ли… Хотя у нее его номер был – он сообщил его ей, договариваясь о первой встрече в аэропорту. Но так ни разу позвонить и не понадобилось. Чего ты ждешь, позвони и узнаешь! Так, сейчас. Надо же перенести в память все номера с этой карточки. Куда нажимать? Вера иронично говорила, что к вечным вопросам русской интеллигенции «Кто виноват?» и «Что делать?» сейчас добавились еще два: «Где мои очки?» и «Что нажимать?»

Методические поиски по всему меню были прерваны звонком – на дисплее высветился тот самый номер. Горло перехватило. «Алло», – хрипло ответил Илья.

– Илья Андреевич? Это вы?

Он узнал бы этот голос и без предшествующих терзаний, но со своим справиться никак не мог.

– Добрый день, Наташа!

– Что с голосом? С вами все в порядке? – с неподдельной тревогой спросила женщина на том конце трубки, а он только глупо и счастливо улыбался.

– Не совсем. Пропадаю!

Улыбка в его голосе успокоила Наталью.

– Да уж, пропали, так пропали! Телефон молчит, электронка тоже… Вы в Питере?

– Да, уже несколько дней.

Пауза. Наташа подумала о том, что она так назойливо названивает человеку, который за несколько дней и не подумал с ней связаться, наверняка компьютер-то в доме у сына есть. Что она себе напридумывала? Чуть с ума не сошла за эту неделю, поминутно заглядывая в почтовый ящик. Как бы поизящнее выйти из неловкой ситуации?

– Наверное, заняты?

– И да, и нет… есть проблема…

Телефон внезапно пикнул и отключился. Растерянно потыкав все кнопки подряд, попытавшись возобновить звонок, Илья все же сообразил, наконец, что входящий звонок в роуминге быстро слопал остатки денег на счете.

Он лихорадочно записал номер на бумажке и переставил симку. Однокурсники подождут. В эти секунды женщина, которую он меньше всего на свете хотел бы обидеть, считает его хамом. Боже, она думает, что он бросил трубку, как все нелепо… Он поспешно набрал ее номер и буквально выдохнул, не задумываясь:

– Наташа, я так хочу вас видеть!

Смятение в его голосе, явно выходящее за рамки их номинально дружеских отношений, удивило Наташу, но и выйти из нахлынувшей обиды сразу было трудно, и она суховато ответила:

– Я на работе. Позвонила, потому что получила сообщение, что вы на связи. Рада, что у вас все в порядке. Все уже поняла – это ваш питерский номер, мой у вас теперь тоже есть, звоните.

Отбой. Обиделась. Дубина стоеросовая. Не давай ей времени погрузиться в обиду, звони сейчас же.

– Илья Андреевич? Что-то еще?
– Наташенька, буду надоедать вам, пока не простите…
– Простить? За что?
– За то, что старый дурак…
– А что, уже исправились?
– Ну, может, и не до конца, но под вашим личным руководством…
– Есть надежда?
– Надежда только и есть… Я прощен?
– Надейтесь. Так что у вас за проблема?
– Теперь осталась одна – мне надо вас срочно увидеть. Когда вы заканчиваете работу?
– Собственно, после трех могу уйти.
– До трех не доживу…
– Где в таком случае я смогу подобрать тело?
– У метро «Купчино». В два?
– В половине третьего, мне еще отпроситься надо.

А мне еще побриться-помыться, погладиться-почиститься, да и обязательно купить цветы. Илья оживленно принялся за сборы, поймав себя на мысли, что от утреннего недомогания не осталось и следа.

Да простит ей шеф, оставшееся время Наташа посвятила отнюдь не работе. Она вдруг с улыбкой осознала, что у нее свидание – впервые за сколько там несчитанных лет?

Бегом в парикмахерскую. Вымыть и уложить.

– Наталья Николаевна, вы помолодели! Признайтесь, у вас роман?
(Это что, прям такими большими буквами написано на моем лице?)
– Светочка, не выдумывайте, у меня переговоры.
– Пусть будут переговоры, назовем это так…

Накинув невесомый капюшон на непринужденно уложенную прическу, она вышла в ранних декабрьских сумерках из метро. Издали заметив фигуру высокого мужчины, Наташа с замиранием сердца приближалась – он, не он? В мохнатой шапке, шарфе и куртке она его не узнавала, но, подойдя поближе, убедилась – Илья. Боже, он с цветами! Настоящее свидание… Сердце забилось.

– Илья Андреевич!
– Наташенька! – Он обнял ее и прижал к себе, как тогда в аэропорту. И как тогда, она не смела поднять голову навстречу его взгляду. Только слышала свое … или его?.. гулко колотящееся сердце.
– С наступающим праздником! – Он вручил ей цветы, пристально глядя на нее повлажневшими глазами, пытаясь прочесть в ее взгляде, кто же они друг другу?
– Ох, орхидеи! Какие красивые! – спрятав лицо в цветах, Наташа ушла от незаданного вопроса.
– Я ж с корыстным умыслом – думаю вас эксплуатировать как эксперта… по подаркам. – Илья решил не нарушать дружескую дистанцию.
– О да, я помню, вы страшно корыстный эксплуататор! Подарки прекрасным дамам?
– В том числе… – О черт, про подарок для Натальи он и не подумал, ничего из Крыма не привез.
– Ну, так чего стоим? Ведите!

С Наташиной помощью они часа за два справились с покупками, но даже такой молниеносный, по женским понятиям, шопинг довел Илью до состояния легкой прострации. При этом он все же улучил момент и купил для Наташи симпатичную безделушку, чем был доволен более всего. Сейчас, слушая её наставления, что с чем и кому, он чувствовал, что идиосинкразия к шопингу подошла к критической черте.

– Наташенька! – взмолился он. – Я перед вами в неоплатном долгу, пошли, погасим его частично вон в том кафе, а то я просто сейчас уже не способен соображать, и все ваши усилия пропадут даром.

– Да уж, взгляд у вас… предобморочный…

– Чашечка чаю в вашем обществе, чем черт не шутит, может, и вернет меня к жизни!

– А долг-то в таком случае не погасится, а увеличится…

– Это прям ипотека какая-то, но я согласен…

Они заказали жюльен и фирменные слоеные пирожки с мясом. В ожидании заказа потягивали чай. Чай с имбирем пахнул по-новогоднему. На улице давно уже стемнело, однако еще не было и шести вечера. Наконец-то пошел снег. Уютное кафе, тихая музыка, цветы на столе, снег и вечерние огни любимого города за окном, приятная беседа с милой женщиной, ее улыбка и внимательный взгляд... Это все со мной? Наяву? Что, вот так выглядит счастье? Может, и не так, и не для всех, но такие минуты надо ценить всем сердцем.

– Наташа, у меня созрел сакраментальный вопрос: что вы делаете сегодня вечером?

– Пока преступно объедаюсь… есть предложения?

– Есть намерения. В программе провинциала – посещение культурного мероприятия. Я понимаю, долг увеличивается, но мы еще успеем в театр, если повезет.

– Если увеличивается, время – деньги! Бежим в метро, брать кассу!

Расплатившись и оставив цветы и свертки в гардеробе, они поспешили к метро.

В театральной кассе их несколько обескуражили – практически ни в один театр, из тех, куда были еще билеты, они уже не успевали.

– А не хотите на концерт памяти Визбора? Он начнется в восемь.

– Хотим? – Илья вопросительно обернулся к Наташе.

И вот они уже в метро, намертво прижатые толпой пассажиров друг к другу, и готовы ехать так, по крайней мере Наталья, на край света и до скончания времен.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – Финляндский вокзал.

Вздрогнув, Наташа открыла глаза. Вагон уже порядком опустел, а она все стоит, прижавшись щекой к груди своего спутника. (Вот дурёха! И что гостю думать?!)

– Ой, нам выходить!

– Жаль, – шепнул он в ее волосы.

Наталья покраснела. Господи, ну что так глупо-то! Ведь не школьница! Ну почему ей не дается тон уставшей от ухаживаний светской львицы? Или они в метро не ездят…

Длинный подъем на эскалаторе позволил ей успокоиться. До концертного зала добрались вовремя. Илья позвонил сыну, предупредил, что будет поздно.

– Однокурсников встретил, – объяснил он Максиму, предупреждая расспросы. Наталье опять стало неловко. Однокурсников, ага, всю группу…

Илья давно, со студенческих времен, не был в Концертном зале. Тут вроде бы ничего не изменилось, даже запах старого бархата кресел показался прежним.

Свет в зале медленно погас, на сцену вышли немолодые уже мужчины с гитарами. Пели хорошо. Мелькали кадры старых черно-белых фильмов и хроники, звучали записи того времени. Илья немного переживал по поводу того, что программа концерта, возможно, будет скучновата для Натальи. Он уж вволю наслушался шуток нынешней молодежи по поводу «Солнышка лесного» и других незатейливых бардовских песен шестидесятых и боялся показаться своей спутнице из другого поколения смешным в своей сентиментальности. Сейчас у авторской песни и мелодии и смысл куда как замысловатее. А для него это было как встреча со старыми друзьями. Под эти песни прошла его юность, почти все из них он знал когда-то наизусть, и хоть в последнее время мало их вспоминал, все слова и мелодии, оказывается, так и жили все эти годы в его сердце, согревая его сейчас теплой волной.

Они сидели немного сбоку, и, глядя на сцену, Илья боковым зрением все время видел Наташин профиль. В полутьме зала ее лицо казалось совсем юным. Вдруг он заметил, что по щеке ее медленно сползает слеза. Господи! А он боялся, что ей будет скучно. Он осторожно поймал ее руку, смахнувшую слезинку, и благодарно сжал, потом не удержался и поцеловал ей ладошку. Она смущенно улыбнулась, но не отняла руки. С этого момента все слова в песнях стали про них.

Мне бы только знать, что где-то ты живешь,
И поверь, мне большего не надо…

Они вышли на улицу и не узнали город – все вокруг замело пушистым снегом. Сотня метров до метро… так не хочется расставаться… вечер такой замечательный… не уходи…

– Наташа, вы давно гуляли по ночному городу?

– На ночь глядя? С однокурсником?

– С кем же еще?

– Так на втором курсе!

– А вы сейчас на каком?

– На третьем?

– Не кокетничайте, на пятом!

– Вам, однокурснику, как не знать!

Далеко, однако, однокурсники не ушли, под первым же фонарем остановились целоваться. Из роли не выходили, и не было никакой неловкости, все было не всерьез, они были влюбленными студентами то ли шестидесятых, то ли восьмидесятых годов, и ни прошлое, ни будущее беззаботно не тревожили сказочность предновогоднего вечера…

– Наталья, как все-таки здорово, что мы встретились в одном институте!

– Только вот не припомню свою специальность в вашем училище – то ли военный переводчик, то ли вовсе шпион…

– Я тебя люблю…

Дойдя до Наташиного дома на улице Пестеля, они остановились у подъезда. Надо было прощаться или… Илья взял в ладони Наташино лицо, пристально посмотрел ей в полные смятения глаза и прошептал:

– Не бойся.

От него исходила такая уверенность, что Наталья опять почувствовала себя совсем девчонкой и только благодарно улыбнулась в ответ. Боялась она только того, что его не будет рядом.

– Выпьешь чаю?

– Опасная штука – чай с тобой пить. Я вот выпил сегодня, и все, пропал мужик.

– А я еще осенью пропала…

Вдруг Наталья с удивлением заметила свет в своих окнах. Ей даже на миг стало немного страшно, потом догадалась – сюрпризом нагрянул сынуля, вот поросенок, не предупредил! Она позвонила на домашний телефон:

– Славка, это ты? Я не сплю?

– Точно не спишь, хотя пора бы уже! Привет, мамулька! Ты где?

– Сейчас поднимаюсь!

Она вопросительно взглянула на Илью, он покачал головой.

– Завтра. Знакомиться будем завтра.

– Я тебя люблю…

Пришлось заехать еще в кафе за оставленными покупками. Цветы достались гардеробщице. Дома уже спали, благо, ключи у него были, и можно было никого не беспокоить, а главное, не объясняться. Почти без грохота пробравшись в свою спальню, Илья лег на кровать, не раздеваясь. Чего-чего, а спать ему совсем не хотелось. Было непонятно. Хорошо? Еще как! Неловко? Есть такое… Грустно? Да. Стыдно? Вот уж нет. Ясно? Вот уж совсем нет. Вечер был просто замечательный, волшебный. В кино после такого вечера надо уходить на войну или жениться. На войну не зовут… жениться, в общем-то, тоже… Ладно, раздевайся и спи, жених, утро вечера мудренее.

– Славка, ты еще вырос!

– Мамулька, здравствуй, роскошный вид! Где была?

– С однокурсниками встречалась.

– Ма-ла-дец! Всех там убила своей красотой?

– Ах, ты, подлиза! Нет, обошлось без жертв. Чего сорвался-то перед Новым годом?

– По тебе соскучился и, честно сказать, по нормальному Новому году – со снегом, с селедкой под шубой, оливье, соседями… В Европе народ празднует Рождество, а Новый год проходит незаметно, на спаде, вот и приехал поднабраться на родине живых эмоций!

– Ты голодный?

– Ну, как сказать? Экскурсия по холодильнику уже проведена, но душа просит еще котлеток.

– Ставь чайник, я пока переоденусь!

Глядя в ванной на себя в зеркало, Наталья приятно удивилась – действительно, она просто на глазах помолодела. Не пятый курс, конечно, да и не аспирантура, но десяток лет точно растворился от «встречи с однокурсниками». Илья обещал завтра прийти, надо будет как-то представить его Славке. Немного неловко. Хотя чего тут. Завтра уже тридцать первое. Что с Новым годом? Славик. Илья. Дома – шаром покати в смысле шуб и оливье. Ладно, пойдем пока сына кормить.

Заварив чай с крымскими травками – осенью выпросила у Ильи, Наташа уютно устроилась в уголке дивана на кухне и с удовольствием смотрела на то, как двухметровое ее дитя шустро уминает котлету за котлетой – вот кстати-то она их наготовила целую кастрюлю, как чувствовала!

– И какие планы?

– Не знаю пока, звонил Сереге, он в Чехии с Людкой, Юрка в Турции, пока больше никого из наших не нашел. А у тебя?

– Я тоже не знаю, никаких планов до сегодняшнего дня не было. Завтра с утра на работу, но, думаю, нас поздравят и распустят по домам до Рождества. Так что я, как Винни Пух, – до следующей пятницы совершенно свободна!

– И что, у такой красавицы никого нет на новогодний вечер?

– А у потомственного красавца?

– Я первый спросил. Впрочем, у меня – нет. Очередное разочарование в туманном Альбионе. Девушки там красивые, умные, но не родные. С ними хорошо работать, но их почему-то не хочется защищать.

– Чай будешь, защитник?

– Конечно! Вкусно пахнет!

– Это я из Крыма привезла травку – помнишь, я в сентябре ездила?

– Мам, ты всерьез спрашиваешь – помнишь? Это после того, как ты мне все уши прожужжала про своего Илью Андреевича? Честно говоря, я бы не удивился, увидев его у нас дома в моих тапках!

– Кстати, твою инсталляцию можно реализовать.

– Какую инсталляцию?

– Ну как же, Илья Андреич в твоих тапках на нашей кухне… Он сейчас в Питере.

– Так чего ж ты, зови его к нам! Я вас сосватаю…

– Если пообещаешь вести себя прилично, могу позвать.

– Если пообещаешь вести себя неприлично, зови!

– А ложкой по лбу? Здесь тебе не Англия!

– А достань!

– Славка, как я по тебе соскучилась!

За ночь снега добавилось. Замечательный новогодний подарок горожанам! А то в последнее время даже на Новый год – дождь и слякоть! А уж в Крыму – тем паче. Илья нащупал телефон. Полдевятого. Не рано звонить? А, сегодня ж еще рабочий день.

– Доброго вам утра, милая барышня! Как спалось?

– Как перед экзаменом – беспробудно…

– Какие будут указания?

– Славка требует пригласить тебя к нам на Новый год.

– Правильный мужик. А ты сама не догадалась бы?

– Без шуток, я немного растерялась от его внезапного появления, но все как-то само уладилось, правда, Славка еще не решил, где будет праздновать – школьные друзья разъехались, а с нами ему, боюсь, будет скучно.

– Что-нибудь придумаем. Подожди, я со своими еще не говорил, я перезвоню, а ты пока составляй список покупок, продиктуешь.

Умывшись и побрившись, достав подарки, Илья Андреевич заглянул на кухню – Ольга и Настя, обе со скучными лицами, пили кофе. Максим уже ушел.

Еще раз припомнив Наташины наставления, что – кому, Илья вручил свои подарки дамам – и с радостью отметил, как заблестели глазки его женщин. Мелочь, а приятно.

– Спасибо, дед, а что так рано?

– А я ухожу встречать Новый год с друзьями, собираюсь напиться, возможно, дебоширить и всячески морально разлагаться, так что, когда вас увижу и узнаю ли – совершенно неизвестно.

– Прикольно. Меня с собой возьмешь?

– У нас закрытая вечеринка. Детям до шестидесяти. А что, других вариантов нет?

– Родители уходят к друзьям. Мы с однокурсниками празднуем, ничего особенного, не очень хочется.

– Однокурсники – это святое. А у вас тоже закрытая вечеринка?

– А что, со мной пойдешь? Я не против.

– Нет, посвежее кандидатура есть, но пока не обещаю. Челночная дипломатия.

– А, помню, это как женить простого сибирского парня на дочке Рокфеллера?

– Еще хуже. Начинаю сепаратные переговоры.

– Мам, ну с чего я попрусь в незнакомую компанию?

– Ты сам просил пригласить Илью Андреевича!

– Не вижу логической связи.

– Илья Андреевич обещал быть кавалером у своей внучки.

– Небось крокодил такой, что другого кавалера не нашлось?

– Это вас в заграницах учат так о незнакомых девушках отзываться? Может, и крокодил, а может, родная, сам говорил…

– Ну, пусть они вдвоем сюда приходят!

– А как же я буду тогда себя неприлично вести на глазах у Насти?

– Да, это проблема.

– Так что, отменить приглашение?

– Нет, назад ходу нет. Только вперед! Настя, говоришь? Как ее фамилия? Где учится?

– Ты что, в сети ее хочешь найти? Продвинутое поколение…

– Мам?..

– Славик, что с лицом?

– Мам, она не крокодил… и, по ходу, родная – я в ее музыку «в контакте» заглянул – точно, родная.

– Слава, такой глупой улыбки я не видела у тебя с детского сада.

– Вот что с людьми делает фэйсбук…

– И Новый год…

– Дед, ты что, серьезно? Как, по-твоему, я буду выглядеть?

– Ну, скажешь, кузен из Англии приехал, тебе навесили – развлекать…

– Хорошенькое дельце, родной дед врать учит! Но ему-то я что скажу?

– Ему уже сказали – сумасшедший дед из села не пускает малолетнюю внучку одну на вечеринку, надо спасать девушку от позора.

– И он поверил?

– А он меня знать не знает, чего б и не поверить…

– Оказывается, и я тебя не знаю! Он хоть симпатичный?

– Не знаю, знаю только, что годков ему двадцать шесть и ростом под два метра – на такой высоте не видно, кто симпатичный, а кто – нет…

– О? Ладно, дед, ты меня заинтриговал.

– Другой разговор. Маме не говори!

– Наташа, все купил, в девять будем с Настей на Невском, пусть Слава выйдет к Аничковому мосту, оттуда им два шага, я ему вручу барышню, а сам – к тебе.

– Жду. Квартира шестнадцать.

Слава топтался на Аничковом мосту уже минут пять и чувствовал себя довольно глупо, когда заметил наконец спешащую пару – высокого мужчину с девушкой. Настя, увидев его, замедлила шаги и вцепилась в рукав Ильи Андреевича.

– Дед, это, наверное, он…

– Похоже на то… не дрейфь.

– Неудобно как-то…

– Установка: будь гостеприимной хозяйкой, встречай гостя города, которому некуда податься в праздничный вечер. Вы, молодой человек, не нас ожидаете?

– Если вы – Илья Андреевич?..

– Он самый. Позвольте представить вам мою внучку – Анастасию.

– Настя, это вам, – протянул Слава цветы зардевшейся девушке. В светлой шубке и мохнатых унтах она была похожа на Снегурочку.

– Спасибо! Как мило. – Настя не знала, что сказать от внезапно нахлынувшего смущения. Слава ей понравился, очень. Очень. О-о-чень.

– Поклянитесь на оливье доставить это юное создание в целости и сохранности не позже завтрашнего утра по указанному ею адресу. Настя, адрес свой еще помнишь? – обратился он к молодым людям, зачарованно смотревшим друг на друга.

Настя сглотнула и только молча кивнула, не отрывая глаз от нового знакомого. Славке явно тоже было не до клятв, но он поспешил заверить Илью Андреевича, что все будет в порядке.

– Тогда – с наступающим вас! – не стал донимать молодежь разговорами «сумасшедший дедушка» и поспешил откланяться, справедливо решив, что праздник уже начинается.

– Вячеслав, нам с вами – на Марата, тут близко.

– Настя, два момента. Вячеслав – слишком официально, просто Слава и на ты, договорились? И второе – нам жизненно необходимо идти на Марата?

– Не очень… а куда тогда? До Нового года еще почти три часа…

– Побродим просто? Погода замечательная! По ходу определимся…

– Давай… я как-то растерялась… никогда еще не встречала Новый год на улице… прикольно вообще-то!

– А я так давно не гулял по Питеру, да еще в такой очаровательной компании! Не холодно?

– Нет, только… Слав, цветы жалко, замерзнут. Может, мы их подарим кому-нибудь, не обидишься?

– Нет, конечно! Знаешь старый советский мультик «Просто так?» Та-ра-ти-ра?.. Кто тут у нас на роль зайчика?

– Смотри, вон дядька «немного уставший»… зайчик то есть…

– Скорее, это белочкин дружбан… Мужчина, извините, возьмите, пожалуйста, цветы для вашей жены! Нет-нет, без денег, просто так! С наступающим!

– Просто так? – подвыпивший дядька лет пятидесяти пытался сообразить, в чем подвох…

– Просто так! Тара-ти-ра… Помните?

– Помню, – расплылся в улыбке прохожий… Спасибо! Та-ра-ти-ра!.. Надо же… Счастья вам!

– Ну вот, мы начинаем новогодние волшебства! Ты и так – Снегурочка, погодика, вот тебе для полноты образа. – Он надел на Настю сверкающую корону. – А я буду… ван момент… – жестом фокусника Слава достал из-под куртки красную шапочку Санта-Клауса, включил на ней лампочки и надел на голову. – Английский Дед Мороз, – шаркнул он ножкой, шутливо поклонившись смеющейся Насте. – Окажите честь, – свернул крендельком руку, увлекая девушку вдоль замерзшей Фонтанки.

Заснеженный зал улицы Росси, театр имени Пушкина, Екатерининский сад, Невский проспект, набережные – все сияло праздничными огнями, деревья светились новогодними гирляндами, толпы людей и потоки машин с приближением полуночи редели, улицы постепенно пустели, а снег все валил и валил мягкими хлопьями, делая новогоднюю ночь светлее и чище. Слава наслаждался этой нежданной прогулкой по любимому городу, с такой, на минуточку, Снегуркой… Колпачок Санта-Клауса на голове подбивал его на милые дурачества, к восторгу благодарной публики в Настином лице. А Настя и вовсе уже не понимала, что происходит вокруг в этом кружащемся вальсе фонарей и снежинок, только счастливо смеялась, закинув голову, подставляя горящие щеки под медленно падающий снег…

– Не устала, Снегурочка? – Плутая по заснеженным улицам, они вышли к каналу Грибоедова, прямо к Банковскому мосту. Настя замотала головой. Слава остановился, облокотившись на кружевные перила моста.

– Это мое самое питерское место, жаль, за снегом почти не видно Спаса на Крови.

Крылатые грифоны в снежных безрукавках смирно сидели на своих тумбах под круглыми фонарями. Настя забралась к ним.

– Стой там, я тебя сфотографирую, – достал телефон Слава.

– А мое любимое место – стрелка Васильевского, – сообщила она, прыгая с тумбы в руки молодого человека. – Обязательно меня там сфотографируй. Только там всегда много народу.

– Да и здесь тоже, я чуть ли не впервые вижу эту улицу пустой.

– Ничего удивительного, половина двенадцатого, все сидят за столом…

– Жалеешь?

– Да что ты…

– Погоди-ка… Идем сюда! – Слава потащил Настю за руку на другую сторону улицы, свернул во двор старого здания, потом в парадное, не отвечая на Настины вопросы, поднялся по лестнице, огляделся, выбрал дверь, возле которой висели новые детские санки, и решительно затрезвонил.

– Кто там?

– Сюрприз!

Дверь осторожно приоткрыла молодая женщина.

– С наступающим Новым годом! Дети дома?

– Дома… Анечка! Скорее! Кто к тебе пришел… Проходите, пожалуйста…

В прихожую выбежала девчушка лет пяти. Поймав на себе ее критический взгляд, Слава поспешил представиться:

– Анна, я, конечно, еще не Дед Мороз, и Настя – не совсем пока Снегурочка, мы – его волонтеры. Между нами, старик уже не тот, тяжеловато ему одному по

всему городу бегать, мы ему помогаем. Так что докладывай, как себя вела, какие успехи, о чем мечтаешь…

– Хорошо… – Кнопка вопросительно посмотрела на маму. Та только растерянно улыбалась. Настя взяла кроху на руки и включилась в игру:

– В садик ходишь?

– Хожу…

– Стихи про Новый год знаешь?

– Знаю…

– Ну, давай тогда, рассказывай, смелее!

Девочка начала нараспев:

Мама елку украшала,
Аня маме помогала;
Подавала ей игрушки:
Звезды, шарики, хлопушки.
А потом гостей позвали
И у елочки сплясали!

– Отличные стихи! Ну что, ученик Деда Мороза, понравилось тебе?

– Как не понравиться! Раз Аня маме помогала, у меня для тебя есть подарок. – Слава вытащил из-за пазухи пушистого симпатичного щенка – символ наступающего года.

– Какой хорошенький! – радостно взвизгнула Анна и прижала игрушку к себе.

– А это – маме! – продолжал спектакль не-совсем-еще-Дед-Мороз, доставая бутылку шампанского.

– Вас Сережа прислал? – тихо спросила у Насти хозяйка. Та, неопределенно пожав плечами, кивнула на Славу.

– Нас прислал лично Дед Мороз! Вполне возможно, его звать и Сережа, никогда над этим не задумывался… С наступающим Новым годом! Счастья вам!

– Ой, уже почти двенадцать! Давайте к столу, не отказывайтесь!

– Нет-нет, ни за что, ну ладно! – улыбнулся Слава, проходя вместе со смущенной спутницей к накрытому столу.

– Ёлка! Оливье! Мечты сбываются! – балагурил он, открывая шампанское.

– Даже у Дедов Морозов бывают мечты?

– Еще какие!

– Ну, тогда я желаю вам в Новом году самого сказочного их исполнения! Спасибо вам за поздравление! Так неожиданно и приятно!

– А мы вам желаем семейного счастья! Это важно!

– С Новым годом! Ура! Ур-р-а-а-а!

– Ну ты обманщик!

– Я – Дед Мороз, все знают, что это обман, и все верят в него раз в году!

– А зачем ты ей сказал, чтоб позвонила Сереже?

– Во-от… Сереже… А не хотела бы позвонить, сказала бы – Сергею или «этому мерзавцу»…

– Психолог! Я чуть под землю не провалилась!

– Для Снегурочки это было бы нелогично. Черти под землю проваливаются, было бы тебе известно… Впрочем, парочка из них пляшет в твоих глазах, а ну-ка, покажи-ка… – приподнял он ее лицо и пристально посмотрел ей в глаза. – Точно, да не парочка, а вся дюжина… будем обезвреживать… – осторожно поцеловал сначала глаза, потом кончик носа, потом – легонько – губы…

– Обезвредил?

– Нет, похоже, только раздразнил… Надо повторить, для надежности…

Вокруг рассыпался искрами фейерверк, озаряя все небо оранжевым, зеленым, малиновым!.. С Невского доносились звуки шумного праздника, улицы вновь заполнялись людьми, радостными криками, девчачьим визгом и хохотом.

Обнявшись, целуясь на ходу, они направились к Неве, где было светло как днем от праздничных огней и новогоднего салюта.

На Дворцовой площади новогодний бал был в самом разгаре.

Потолкавшись в праздничной толпе, полюбовавшись с набережной новогодним фейерверком на Неве, пройдя по Дворцовому мосту, они оказались на Васильевском острове.

– Ой, ты меня обещал сфотографировать на стрелке!

– Почему именно там?

– Любимое место! У нас с такой фотографией связана семейная история, – и Настя рассказала Славе, как ее бабушка окрутила деда.

– Понятно, девушка, а вы сейчас, случайно, ничего подобного не имеете в виду? Я, знаете ли, за невестой из Англии прибыл…

– Ну… вдруг сработает… – крутя в снегу носком унтов, скромно потупилась Настя.

– Облом твоим захватническим планам – место занято! – Толпа народа окружила импровизированную сцену в новогодних декорациях.

– Похоже, ты в своих предпочтениях не одинока. – Подойдя ближе, они поняли, что люди тут фотографировались и их фотографии сейчас же транслировались на все видеощиты города. Такой бонус к фотографии их устраивал, и через несколько минут лица Насти и Славы замелькали на экранах.

– А дома – пирог с мясом… – заскулила через час-полтора Настя.

– А в тюрьме сейчас ужин, макароны дают… Настя, вообще-то мы с тобой – на задании…

– ???

– Я специально ушел из дома, заметь, от селедки под шубой, чтобы дать возможность твоему деду побыть наедине с моей матерью.

– Подожди, дед же пошел к однокурсникам… они что, вместе учились?

– Ну, мы с тобой тоже пошли к однокурсникам… кружным путем… Не знаю, что он вам рассказывал, но мама отдыхала этой осенью в Крыму, и знаешь, под впечатлением… Ей сорок шесть, она разведена. Давно, я еще пацаном был. Отец, тот вскоре женился, а мама с тех пор одна. Пока я рос, как-то не задумывался над тем, что она еще вполне молода и красива. А сейчас мне бы хотелось знать, что она счастлива.

– Ничего не понимаю. А дед в курсе твоих планов?

– Не знаю, но когда я его сегодня увидел, понял, что мать под правильным впечатлением.

– Да уж, дед у нас орел… но без бабушки сильно сдал, больно за него. Мне трудно с ним говорить на эту тему, но ведь ничего не поделаешь, надо жить дальше, начинать новый этап в жизни…

– Новая жизнь начинается с новой любви…

– Дай ему бог… Ну, дед, ну, партизан!

– Да брось ты, классный дед…

– А кто против?

– Слушай, мы Новый год проспали! – Наташа растерянно смотрела на часы, не испытывая смущения от близости внезапно ставшего таким родным обнимавшего ее мужчины.

– Не проспали, а как встретили, так и весь год проведем… – целуя ее, ответил Илья.

– Я так рада, что ты приехал, что ты здесь, что мы оказались однокурсниками, – улыбаясь, потерлась носом об его плечо. – Последние три месяца я все время думала о тебе и звала. Вот дозвалась на свою голову.

– А я повелся… прощай, холостая жизнь! Увы! Свобода, прощай!

– Эти рыдания следует расценивать как предложение?

– Ой, оговорился! Мамочки! Не считается! – заверещал он, целуя ее…

– Нет уж, первое слово дороже второго! Во всяком случае, я подумаю… до лета.

– А летом?

– Приеду… – посерьезнела она. – На самом деле, я думаю, нам не надо спешить. Ты все еще со своей женой…

– Наташенька, прости, родная, я знаю, что иногда называю тебя Верой.

– Это пустяк, привычка не главное. Главное – что плохо тебе одному без нее, а не без меня. (А мне плохо без тебя, – добавила она про себя.) И на свободу я твою не посягаю, мне и с моей хорошо. Не торопись. Надо привыкнуть друг к другу. Будем видеться чаще… Хочешь, поедем вместе куда-нибудь отдыхать?

– Хочу. В Крым. У меня там одна гостиница знакомая есть. Все схвачено. Хозяин – нормальный вроде мужик. – Илья взял со столика зеркальце, повертел его у себя перед носом, – малопьющий, эксплуататор только… И бабник, как недавно выяснилось.

– Это не опасно?

– Еще как опасно! А кто обещал, что будет легко?

– Надо бы поехать… Как называется? Крым? Никогда не слышала… А как же моя работа?

– А ты сына оставь за себя, он к твоим немецкому с английским еще и юрист, шеф в восторге от такой замены будет.

– Не-а, сын в Англии живет!

– Что-то мне подсказывает, что с наступившего года он уже не очень постоянно там живет… Пора, мамаша, квартиру освобождать… Этот-то, из Крыма, эксплуататор, как раз ищет помощницу себе. За прокорм и проживание.

– Я могу подумать?

– Подумать вы, барышня, можете, но ответ должен быть положительным. Кстати, прямо сейчас можно пройти вступительный тест – накормить гостя, который с прошлого года маковой росинки во рту не держал.

– Ой, мы ж там в прихожей все пакеты твои побросали! Все, уже на кухне!

Поставив кофе и разбирая забытые накануне у входа пакеты с праздничной снедью, Наташа включила на кухне телевизор. Шел прямой эфир с улиц города. На

Дворцовой набережной был установлен огромный экран. По нему мелькали счастливые лица горожан, по-видимому, только что сфотографированных неподалеку.

Вышедший из душа Илья (в Славкиных-таки тапках!) всмотрелся в одну из фотографий – девушку в белой шубке обнимал высокий парень в красном колпачке.

– Смотри! Наши! Что я тебе говорил?

– Ой! Славка! А это Настя? Какая хорошенькая!

– А ты заметил? Фотография-то на стрелке Васильевского! Ты веришь в судьбу?

– Да я все больше в мистика превращаюсь! В приметы, знаки и гороскопы начинаю верить! Кстати, какой это у нас год-то по-японски? Собаки, кажется?

– Собаки… Это мой знак.

– Как – твой? Тебе же только сорок шесть, а в твой год должно быть сорок восемь.

– Ну, год Собаки начнется-то почти через месяц и закончится в будущем году в феврале, а в конце следующего января мне уже будет сорок восемь. Я, пока не вникала, даже долго считала себя по году рождения Свиньей, а оказалась Собака. Свинья собачья, в общем… Чего ты так веселишься?

– Свинья собачья…Спутник – Собака! – Илья заливался, как ребенок. – Нет, точно завтра гороскоп куплю! И сонник! Обязательно!

2004 г., Киев

В январе 2015 года отмечают:

60-летие

Торегелди Туякбаев, *поэт*
Амирхан Мендеке, *критик*
Онайгуль Туржанова, *поэт*
Адилгазы Кайырбеков, *поэт*

70-летие

Шырын Мамасерикова, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!